Глава 236. Новые и старые лица (часть 1)

(От 1 лица)

Сейчас, когда я с одной стороны вернулся в «прошлое», а с другой — начал жизнь, если не с чистого, то как минимум с отредактированного листа, где все кляксы были очень аккуратно замазаны, а ошибки переписаны поверх более правильным текстом, идеально согласующимся с остальным содержимым и удовлетворяющим чувство прекрасного, всё вокруг казалась по-настоящему беззаботным. И пусть на деле все эти недочёты всё ещё находились здесь, на листе, — это нисколечко не напрягало. Быть может даже успокаивало, ведь справедливости ради как бы сильно ты не хотел начать жизнь с «чистого листа», веря и надеясь в «лучшее», это не изменит факта: чем грязнее были предыдущие страницы, тем и более «фальшивым» на общем фоне будет выглядеть новый лист, как если бы что-то неестественное попало в общую стопку бумаг под названием «твоя жизнь»; а такая неестественность сама по себе будет заставлять бóльшую часть окружающих манкировать ею, как если бы им пришлось разбирать залежи чужого мусора, когда, добравшись до очередного прогрызанного ящика с засранным содержимым, они выкидывают всё скопом, не тратя время на поиски чего почище, — всё будет выглядеть одинаково неприглядно на фоне остальной грязной массы, даже если в перспективе «чего почище» там всё-таки есть и могло бы сослужить неплохую службу в будущем, например, где-нибудь во дворце съездов.

Именно поэтому я и чувствовал себя хорошо: меня удовлетворяли как перемены, так и их естественность.

Следующие несколько дней я «привыкал» к новому образу жизни, вливался в общество и параллельно воплощал те или иные задумки в жизнь.

Пусть это и давалось с трудом, я старался не спешить. Старался всё делать размеренно и аккуратно. Отчасти это новое «приобретение» впиталось в меня вместе с разрушенной школой и тренировочным залом Академии Магии, поэтому нельзя было сказать, что за те полгода пребывания в личине школьника я совсем ничего для себя не вынес.

Ещё один ценный урок, который можно было назвать результатом моего обучения, — это лучшее понимание логики некоторых «сильных» личностей Монголии. Не то, чтобы я не знал о ней до этого, но если говорить серьёзно, то так прямо, можно сказать, тет-а-тет, я с ними ни разу не контактировал. Да и в принципе мой круг «Мировых Волшебников» был сильно ограничен (раз, два и обчёлся), что, правда, не мешало мне иметь хорошее представление о многих других магах этого мира, а о ком-то знать даже больше, чем их собственное окружение. Поэтому я не преувеличивал, когда говорил о ценности подобной возможности пообщаться с ними, пусть и, учитывая неровности и шероховатости, которые стали моими постоянными спутниками по жизни, повторять это в ближайшее время я не планировал, даже несмотря на слабо-тлеющее желание где-то глубоко внутри.

Если же говорить про упомянутый ранее «ограниченный круг общения», то к нему можно отнести практически всех моих приближённых — тех, о ком вы уже слышали и знаете чуть ли не в лицо, и тех, о ком пока не знаете, но частично узнаете уже сейчас. Ведь если смотреть глубже и говорить по существу, то, вероятно, из всей этой малочисленной группы «приближённых» можно выделить только одного человека, который по-настоящему соответствовал слову «Мировой» и который стоял обособленно ото всех остальных значимых для меня людей, являясь не столько «коллегой/родственником», сколько «другом/союзником», пусть на деле толкование всех этих слов обширно в своих вариациях, как в моём конкретном случае, так и во всех остальных.

Звали его Тагай.

Наши взаимоотношения можно было описать вполне просто: он знал 1000 и 1 способ как втоптать в грязь меня и не делал этого, я знал 1000 и 2 способа как его — и тоже не делал этого. Дело было не в страхе или выгоде, здесь работал более сложный и одновременно простой принцип, отличный как от извращённого понятия «друг», так и от мнимого — «союзник», а именно — солидарность: беспристрастная, бескомпромиссная.

Во многом эта солидарность была обусловлена его натурой, которая сподвигла его держаться обособленно от всего остального мира. Быть себе на уме.

Бесспорно, натура стала одной из причин и того, почему Академия Магии цвела и пахла, а студенты чувствовали себя свободно, но не раскрепощённо.

При этом натура являлась и корнем своего рода затворничества: как минимум его имя и рядом не стояло с именем Ганца Йохансона, о котором знала каждая вторая собака, а в свете последних событий — просто каждая.

Но главное — его натура обладала достаточным стержнем, чтобы рассеивать давление разных влиятельных личностей прежде, чем оно успевало пройти ворота Академии Магии, несмотря на то, что за её пределами (чем дальше, тем ощутимее) этот стержень становился слабее. Это было вызвано как упомянутым ранее затворничеством, так и в целом нежеланием становиться частью внешних конфликтов и проблем, а следовательно — и контактировать с другими. В этом смысле я считал и продолжаю считать Тагая метафорической черепахой, спрятавшейся в своём панцире. Бесспорно, с одной стороны эта стена всё же помогала ему пережить или обойти стороной бóльшую часть проблем, но с другой — мешала эффективно маневрировать или быстро подстраиваться к внешним условиям. Хотя, возможно, это всего лишь мои домыслы: иной раз я и сам подумывал, что Тагай всего лишь целенаправленно отыгрывает свою роль, и, если это так, то, бесспорно, он один из лучших актёров этого мира.

И вот… Натура, но уже лишь отчасти — как сопутствующий фактор, — стала в конечном итоге причиной формирования между нами взаимопонимания, хотя, что тогда, что сейчас — мы пересекались нечасто, а если пересекались, то практически всегда с теми или иными «корыстными» целями: либо одолжением с моей стороны, либо с его. Правда, бывало, могли сойтись и без явных мотивов или договорённостей, потратив не один час на полемику, но случалось такое редко — всего несколько раз за всё время нашего знакомства; причина была

проста — присущее нам обоим нежелание первым начинать разговор «ни о чём», а любой разговор, не связанный с рабочими моментами, в том или ином смысле и есть — разговор ни о чём.

Эта суть нашего общения не изменилась ни после моего «переведения» в качестве студента, когда я опрокинул верноподданного Монголии, отказавшись от его заманчивого предложения стать фермером, ни после моего недавнего «трудоустройства», когда я опрокинул всех остальных, отказавшись от их предложений стать козлом отпущения.

http://tl.rulate.ru/book/25164/3662672